

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-385-391

УДК 821.161.1

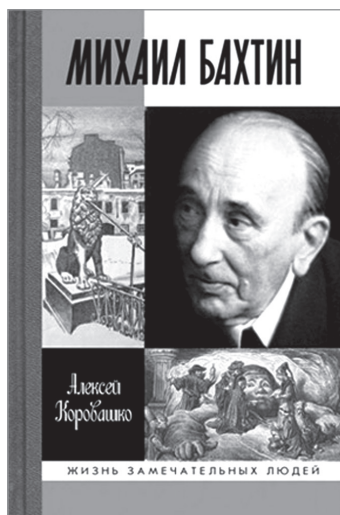
Опороченная жизнь философа

Tarnished life of a philosopher

Коровашко А. Михаил Бахтин.

Korovashko A. *Mikhail Bakhtin*.

М.: Молодая гвардия, 2017. – 452 с. (Серия «ЖЗЛ»)

Н.И. Николаев

Информация об авторе: Николай Иванович Николаев, главный библиотекарь отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Information about the author: Nikolay I. Nikolaev, chief librarian in the rare book and manuscript section of the St.-Petersburg State University Scholarly Library. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Книга написана некомпетентным автором, ненаучна, содержит, по формулировке конца 1940-х годов, «клеветнические измышления» и вообще составлена по рецептам эпохи борьбы с космополитами. Но ждановские подпевалы и прихвостни отдыхают, как нынче говорят, в сравнении с сочинителем этого опуса – А. Коровашко.

Обычно о таких книгах в научном сообществе даже не упоминают. Их как бы нет и не было. Такие книги не то что стыдно писать, их стыдно читать. Они заслуживают только одной рекомендации – ни в коем случае не брать их в руки.

Но в данном случае появление такой книги свидетельствует о глубочайшем гуманитарном кризисе нашего общества. И как о симптоме болезни общества о ней следует сказать несколько слов.

В 1961 г. три московских литературоведа – всем им было чуть за тридцать – приехали в Саранск к М.М. Бахтину. Он им сразу сказал, что он – философ и что он – не марксист. Итак, философ, и, следовательно, его биография это – биография философа. В серии «ЖЗЛ» была издана, например, замечательная биография философа М. Хайдеггера Рюдигера Сафрански, которому принадлежат также жизнеописания Шопенгауэра, Ницше, Шиллера, Гофмана, называемые переводы. То есть образцы превосходных биографий философов наличествуют.

Итак, речь идет о «биографии мысли» М.М. Бахтина, единственного русского философа XX века, оказавшего такое исключительное влияние на гуманитарное сознание по ту и по эту сторону Пиренеев, как говаривал Паскаль и вторил ему Венчик Ерофеев.

Не столько для объяснения уникального философского дара М.М. Бахтина, сколько для понимания первых моментов его развития юношеский период из-за скудости сведений почти ничего не дает.

Так, чтение работ и слушанье лекций Н. Ланге, профессора Новороссийского университета в Одессе, знатока В. Дильтея, объясняет доскональное знание психологической проблематики в трудах М.М. Бахтина 1920-х годов; чтение братом, Николаем Бахтиным, «Этики чистой воли» Г. Когена дает неокантианский слой бахтинской терминологии; сказанное в 1961 году трем литературоведам – «Читайте Розанова!» – удостоверяет пропедевтическую ценность В. Розанова, возможно, испытанную самим М.М. Бахтиным; посещение Религиозно-философского общества и знакомство с А.В. Карташевым и А.А. Мейером показывает знание русской религиозной философии; как должное – книги университетских профессоров А.И. Введенского, Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, С.Л. Франка; увлеченность виленского кружка – братья Бахтины, Лопатто, Кобеко, Пумпянский – идеей Третьего (Славянского) Возрождения и «божественным Вячеславом», Вячеславом Ивановым, зафиксирована в бахтинских лекциях 1920-х годов. И при этом, в отличие от Л.В. Пумпянского, никаких следов собственно символистской культуры, современником которой он был, разве что чтение наизусть в начале 1970-х годов стихотворений Вячеслава Иванова.

И вот что поразительно, когда мы впервые встречаемся в 1918 году в Неделе с М.М. Бахтиным, вернее, с непосредственным выражением, хотя и обрывоч-

ным, его мыслей, он уже сложившийся философ, на каждом суждении которого лежит отпечаток его философского дара или, если угодно, гения.

Вот отчего абсолютно бесперспективны любые поиски каких-либо влияний, воздействий, заимствований, следований и прочего на его философию. Имеют смысл только поиски тем и проблем, откликами на которые часто и были его оригинальные суждения, изменявшие исходные положения до неузнаваемости. И работа по установлению этих тем и мотивов хоть и ведется, но завершить ее предстоит только в будущем.

Столь же нерелевантны и сопоставления с западной философией. Обычно все такие сравнения, например, с М. Хайдеггером, столь любезным многим нашим соотечественникам, заканчиваются не в пользу М.М. Бахтина. И сопоставители, буде такие находятся, тут же перестают интересоваться реальным содержанием бахтинской философии.

А между тем, из обрывков высказываний, словосочетаний и намеков становится ясно, что уже в 1919 году М.М. Бахтин совершил свое первое философское открытие, открытие нравственной реальности (действительности) и сопутствующих ей характеристик – ответственности, долженствования и т.д.

Потом опять почти ничего. И только от 1922 года доходит незавершенный, да еще без начала, трактат «К философии поступка», где последовательно доказывается, что нравственную реальность можно постичь только посредством феноменологического описания. И там же сформулировано второе философское открытие М.М. Бахтина: замена гносеологического субъекта новоевропейской философии соотношением автора и героя.

Трактат прекращен на полуслове, что вызвано, скорее всего, осознанием того факта, что в России, напомним, в большевистской России, места для прямого философского говорения больше нет, знаком чему и послужил неизвестный «философский пароход». Однако, в силу того, что надежды на возможность публикаций работ по эстетике оставались, М.М. Бахтин тут же приступает к написанию следующего трактата – «Автор и герой в эстетической деятельности», вводная часть которого и начало первой главы утрачены и до нас, увы, не дошли. Именно в «Авторе и герое», поскольку эстетическое и связанная с ним проблема автора и героя являются ближайшим аналогом или подобием нравственной реальности, изложена философская антропология М.М. Бахтина.

Но вернувшись весной 1924 года в Ленинград из Витебска, где он находился с осени 1920 года, М.М. Бахтин обнаруживает, что и сочинения по философской эстетике никто печатать уже не будет. Работу и над этим своим трудом он поэтому прерывает.

Впрочем, тогда же с помощью друзей он договаривается с редакцией журнала «Русский современник» о написании специальной работы, содержащей актуальную для того времени полемику с теорией формального метода. Осенью 1924 года М.М. Бахтин завершил первую часть заказанной статьи. Но вскоре он вынужден оставить работу над ее продолжением, так как журнал был закрыт.

И в декабре того же 1924 года при обсуждении вопроса о марксизме он делает весьма нетривиальный вывод, что, даже принимая и даже используя некоторые социологические постулаты марксизма, в сфере художественного творчества и его теории остается возможность для относительно самостоятельных философских суждений.

Однако в первую очередь пришлось заняться написанием работ для заработка, издаваемых под именами друзей – В.Н. Волошинова, И.И. Канаева, П.Н. Медведева. Это были научно-популярные статьи о философии биологии, фрейдизме, формальном методе, вульгарном социологизме. Главным достоинством этих статей было лишь то, что они написаны М.М. Бахтиным. А в 1926 году в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» он даже смог дать изложение некоторых идей своего трактата «Автор и герой», выпустив статью опять под именем друга (Волошинова).

Казалось бы, все идет хорошо, но при подготовке к изданию книги «Фрейдизм» (вышла в 1927 году под именем В.Н. Волошинова) М.М. Бахтин столкнулся с такой жесткой и непримиримой редактурой (собственно – цензурой), что надежды хоть на какое-то творческое письмо должны были рухнуть окончательно.

Но нет. Положение опять спасли друзья, совершив переход в издательство «Прибой», где М.М. Бахтин под их именами издает книги «Формальный метод в литературоведении» (1928) и «Марксизм и философия языка» (1929), а также ряд статей, где разрабатывает основной тезис своей философской герменевтики: всякое понимание – диалогично. И в том же издательстве летом 1929 года выходит под его собственным именем книга «Проблемы творчества Достоевского». Заново написанная, хотя и не без следов первого варианта начала 1920-х годов, она раскрывала проблематику трактата «Автор и герой» на примере творчества Достоевского, соединяясь с новым пониманием философской герменевтики.

Итак, только в 1929 году, к тридцати четырем годам, а написано и напечатано им к этому времени дай Бог каждому, М.М. Бахтин становится легальным автором со своим именем и теперь уже навсегда. Кстати, о своей первой невеликой публикации он так никогда и не вспомнил. Она была обнаружена уже после его кончины.

В написанной в кустанайской ссылке работе «Слово в романе» развиваются темы, намеченные в книгах и статьях второй половины 1920-х годов. Однако оказавшись в Москве в середине 1930-х, после окончания ссылки, М.М. Бахтин убеждается в невозможности публикации этой работы. Дело не только в усилившемся идеологическом прессе, – когда он не усиливался? – просто языковедческая тематика 1920-х годов в официальных и близких к ним кругах отошла в сторону. Это с одной стороны. А с другой, с 1934-го, достигнув пика к 1940 году, начался медленный и не очень последовательный поворот к традиционной академической филологии. Так сказать, часть оборонной политики внутри страны с попутным уничтожением всего левацкого, пролеткультовского,

рапповского и прочего, с возвращением своеобразно понятых канонов реализма во всех областях культуры.

Изменение тематики М.М. Бахтин тут же отметил и предложил в соответствии с моментом работу «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (рукопись, если и была, пропала в архивах издательства во время войны; сохранился лишь конспект), а потом в связи с новыми тенденциями (в Москве в 1936 года стал проводиться карнавал) стал собирать материалы для книги о Рабле с ее проблематикой возможной устойчивости официальной культуры при столкновении с неофициальной культурой смеховой, попутно написав в виде черновика работу о типах художественных хронотопов.

В 1940 году М.М. Бахтин менее чем за полгода пишет, вернее, надиктовывает книгу о Рабле, а зимой 1940–1941 годов делает доклады в Институте мировой литературы о теории романа как основного жанра последних столетий, возвращаясь на новом уровне к проблематике «Слова в романе».

Итак, к сорока пяти годам М.М. Бахтиным написано практически все, что нам известно, а написанное в остальные тридцать четыре года даже не сопоставимо, хотя бы по объему, с созданным до этого. Но и с написанным после 1941 года не все так просто. Можно сказать, что именно в периоды хотя бы частичного идеологического послабления М.М. Бахтина охватывает неукротимое желание действовать, то есть писать, а в периоды «заморозков» его Муза помалкивает.

Известно, что во время войны многих как бы окатило внезапным облегчением и чувством относительной свободы. Задуманный на века режим пошатнулся и, лишь захлебнувшись народной кровью, смог устоять. И вот словно разбуженный этой малой свободой – не забудем, что как философ он всегда был свободен – М.М. Бахтин возвращается в беглых заметках и набросках тех лет к проблематике своих самых ранних работ начала 1920-х, как будто всего того, что случилось за эти годы, просто не было. Сюда же относятся написанные с необычайной силой «Дополнения и изменения к Рабле».

И защита «Рабле» как диссертации, состоявшаяся по настоянию друзей, приходится на короткую послевоенную «оттепель». Далее потянулись годы подгонки текста под ужесточившиеся – в который раз! – идеологические требования, затронувшие, если кто помнит, всё – от генетики до кибернетики.

И только после выхода основополагающего труда вождя и учителя «Марксизм и вопросы языкознания» вслед за другими – и то не сразу – М.М. Бахтин вновь обращается к лингвистической тематике, вернее, к лингвистике, как он ее понимает, в работе «Проблема речевых жанров». А затем по мере наступления «оттепели» он обращается к критике структурализма, – точнее, структурной лингвистики, – распространявшегося через «Вопросы языкознания» и другие издания, и набрасывает заметки «Проблема текста». Но ни написанному в начале 1950-х годов, ни в их конце – выхода в печать нет и не предвидится. Как будто время еще не пришло. И только после приезда в Саранск трех московских филологов все меняется.

И теперь уже в конце очередной «оттепели» М.М. Бахтин буквально в течение нескольких месяцев перерабатывает книгу о Достоевском для нового издания 1963 года и, главное, создает новую главу о мениппее, опираясь, вопреки мнению некоторых скептиков, на труды выдающихся европейских филологов-классиков. Затем с той же необыкновенной скоростью – опять в течение нескольких месяцев – перерабатывает диссертационный вариант конца 1940-х годов для издания книги о Рабле в 1965 г. И, наверное, последним, что он написал для печати, был вступительный раздел к публикации работы о хронотопе.

Обо всем, выше бегло намеченном, в книге А. Коровашко **нет ни слова**, поскольку он при сочинении своего опуса благообразно принял модную и выгодную ныне сторону антибахтинизма. Антибахтинизмом же называется происходящее последние лет двадцать – двадцать пять «исследовательское» уничтожение М.М. Бахтина.

Дурно понятая, то есть понятая буквально, «корректность» по отношению к П.Н. Медведеву и В.Н. Волошину, за которую ухватились в Бахтинском центре в Шеффилде и в этом совпали с их поклонниками из России, и стала началом этого уничтожения, собрав по пути все, что накопилось антибахтинского с начала 1970-х годов, когда стали раздаваться вопросы – тогда еще только вопросы – о действительной принадлежности М.М. Бахтину книг, изданных под именами его друзей. И к настоящему времени повсюду бахтинское авторство книг и статей 1920-х годов окончательно передано и закреплено за именами, поставленными на этих книгах и статьях. Причем до такой степени, что в последнее время хотя бы малая доля соавторства М.М. Бахтина в этих книгах и статьях вообще перестала даже указываться (центр в Лозанне Патрика Серю), а П.Н. Медведев и В.Н. Волошинов превратились с приписыванием им реального авторства бахтинских книг и статей в никогда не существовавших исторических симулякров, то есть в создания, вымышленные их западными и русскими приверженцами.

Люди добрые, что же это делается? Хорошо организованная группа, так сказать, единомышленников, прикрываясь благими намерениями, среди бела дня ограбила русского философа, украв принадлежащие ему работы, и все молчат, как будто так и надо.

Дальше больше. Возвышение П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова происходило за счет умаления ведущих представителей бахтинского круга – М.И. Кагана, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдиной и др. Их реальные отношения с М.М. Бахтиным не просто не изучаются, ими сознательно пренебрегают. Их место стали занимать Медведев и Волошинов в качестве ближайших друзей-соратников и даже учителей М.М. Бахтина. И о Бахтине начинают снисходительно говорить, что это был-де человек устной культуры, которому надо было помогать оформить свои мысли, что и делали Медведев и Волошинов. Отличился находкой этой идеи В.М. Алпатов, и он же внес недюжинный вклад в ее распространение своей книгой «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (уже каково

заглавие, сам порядок имен!). Именно этот посыл В.М. Алпатова и подхватили Ж.-П. Бронкар и К. Бота, авторы бульварной поделки о М.М. Бахтине («Bakhtin Démasqué». Genève, 2011), по извержению клеветы и невежества сопоставимой только с желтой прессой.

И здесь хочется спросить этих российских и западных товарищей: если Вы так не любите Бахтина, то зачем Вы о нем пишете и выступаете с докладами на конференциях? На что он Вам?

В книге А. Коровашко все доктрины антибахтинизма соблюдены: книги и статьи М.М. Бахтина, изданные в 1920-е годы под именами друзей, вообще не рассматриваются, ведь они написаны теми, под чьими именами были напечатаны. Загвоздка вышла, правда, с И.И. Канаевым. Но его письменное свидетельство об авторстве Бахтина с легкостью дезавуируется намеком на то, что С.Г. Бочаров мог ведь и подделать или сфабриковать это свидетельство (!). Если же его, А. Коровашко, в данном случае обвинят в клевете на порядочного человека, то всегда можно с той же легкостью заявить, что «его не так поняли».

Оставляя за скобками «развязно-фамильярный стилёк», который был сразу отмечен в первом же отклике на книгу, следует особо остановиться на двух моментах.

А. Коровашко придерживается на протяжении всей книги мнения, что все так называемые идеи М.М. Бахтина заимствованы у формалистов, в работах которых они и сформулированы лучше, особенно у В.Б. Шкловского, изобретателя формального метода. Но ежели А. Коровашко так по сердцу В.Б. Шкловский, то и писал бы о нем. Причем тут М.М. Бахтин?

Занятие же М.М. Бахтина философией, по мнению А. Коровашко, выглядит вообще чем-то малодостойным и малопочтенным.

Ну, что тут скажешь!?

Вывод об этой книге, вышедшей в серии «ЖЗЛ», может быть сделан только один: у французских авторов-клеветников Бронкара и Бота появился нижегородский собрат А. Коровашко.